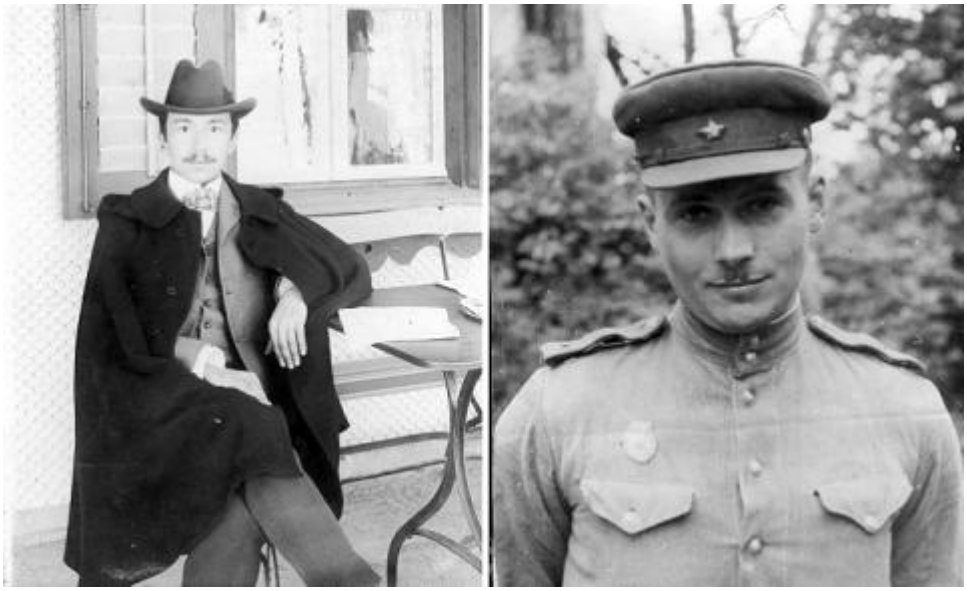
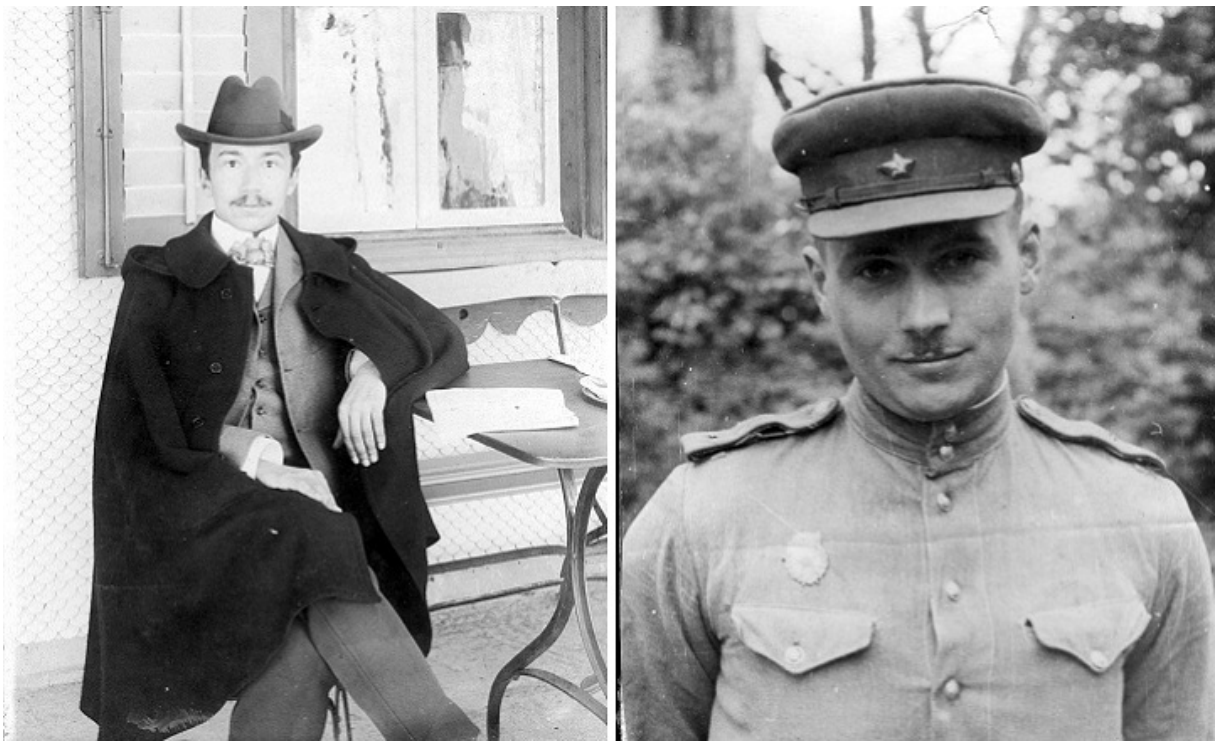
Шиндлер в белом халате

К 75-летию со дня смерти Евгения Шевалева

Евгений Шевалев *Андрей Шевалев, 1945*

К счастью, во мраке Холокоста тоже зажигались звезды. Среди жестокости, предательств и равнодушия находились те, кто спасал других, рискуя собственной жизнью. Возможность сделать свой выбор остается у человека даже в самых критических обстоятельствах. «Одесский Шиндлер», профессор Евгений Шевалев, в годы оккупации руководивший городской психиатрической больницей, доказал это в полной мере. Его больница стала прибежищем почти для 300 обреченных на уничтожение евреев Одессы.

Потомственный дворянин Евгений Шевалев родился 21 января 1878 года в семье мелкого служащего городской управы. В 17 лет Евгений заболел туберкулезом легких, и отправился на реабилитацию в швейцарский Давос, где будущую жену и соратницу Евгению Яновскую, ставшую матерью их сыновей — Владимира и Андрея.

В 1906-м молодой человек окончил с отличием медицинский факультет Новороссийского университета. Крупный ученый, блестящий педагог, воспитанник профессора Бехтерева, он был автором более 100 научных работ. В 1923 году возглавил кафедру психиатрии Одесского мединститута. Врач от Бога, в январе 1927-го Шевалев создал психиатрическую клинику мединститута, где работал вместе с супругой. Перед самой войной Евгений Александрович защитил докторскую диссертацию и получил звание профессора.

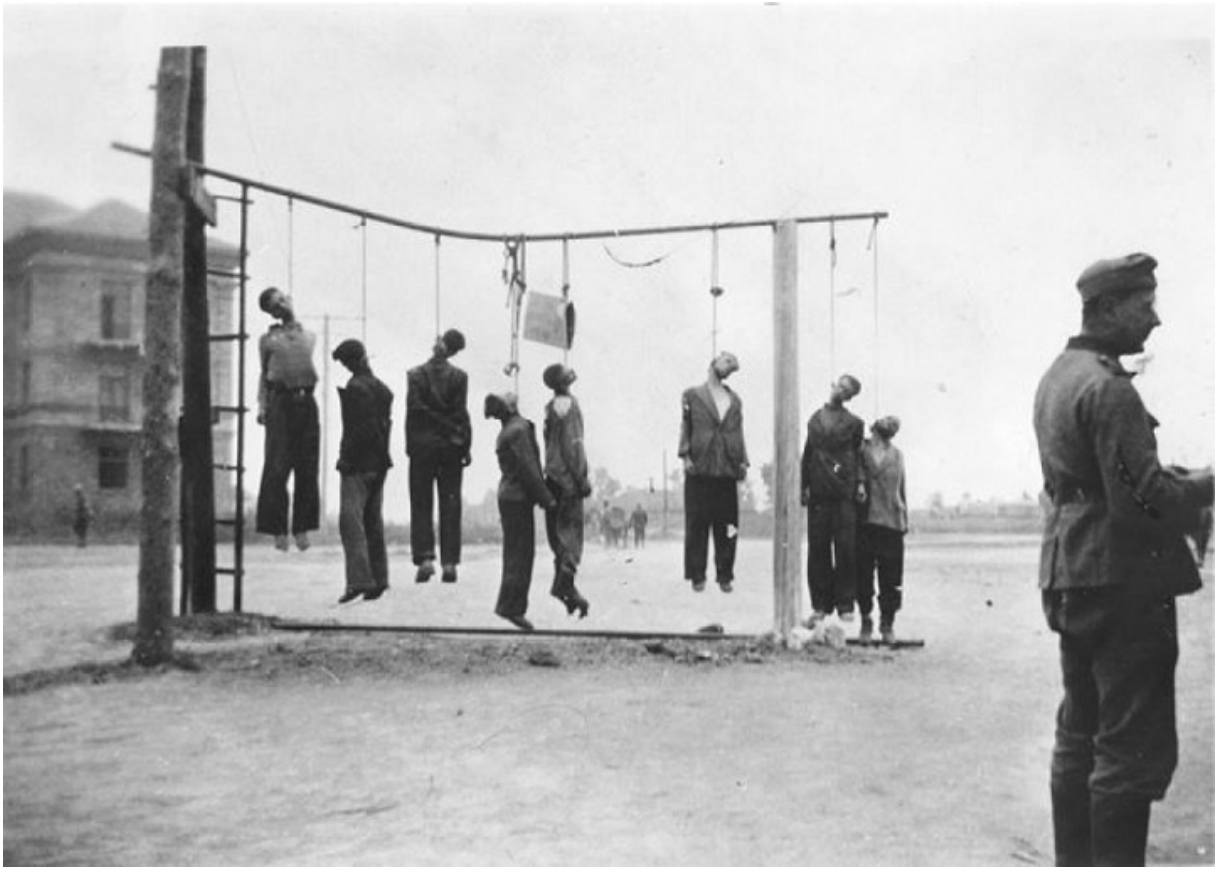
Евгений Шевалев с коллегами. 1932 г. (первая слева сидит Евгения Шевалева)

16 октября 1941 года в Одессу вошли немецкие и румынские войска. В январе следующего года район Слободка, где располагалась больница, оккупанты превратили в еврейское гетто, куда согнали около 100 тысяч евреев. Выживших в гетто отправляли в лагеря Богдановки, Доманевки, Акмечетки, где их массово расстреливали.

Главврач больницы Лев Айхенвальд был призван на фронт, и профессор Шевалев принял руководство на себя. А вскоре больница стала ему домом, поскольку его квартиру на ул. Гоголя, 8, разбомбили. Семья, за исключением старшего сына Владимира, ушедшего на фронт, переехала на территорию больницы, разделив судьбу персонала и пациентов, среди которых было много евреев.

Шевалев знал, что осенью 1941-го были расстреляны душевнобольные в Виннице, Минске и Могилеве. В попытке не допустить этого, он вместе с сыном Андреем, рискуя жизнью, организовал в больнице островок спасения, невзирая на то, что на ее территории обосновалась румынская тайная полиция — сигуранца.

Профессор заполнил 20 новых больничных карточек на вымышленные имена для еврейского персонала, который оставался в больнице под видом пациентов. В их числе были санитар Михаил Гершензон, медсестра Гита Вексельман и др. Затем с помощью сына Андрея и доверенных сотрудников по его указанию были подделаны карточки еврейских больных. Таким образом, к началу 1942 года в списках пациентов ни одного еврея не значилось.

Повешенные оккупантами одесситы

Из воспоминаний Андрея Шевалева: «В период оккупации в больнице находилось, включая детей, около 600 больных, примерно половина из них — евреи. На группу из 20 скрываемых здоровых евреев, были заведены истории болезни с вымышленными диагнозами и именами. В кабинете отца стояла пишущая машинка, на которой я сам печатал для евреев справки, удостоверяющие личность и место жительства. Я специально оставлял место, куда, после заверения справок в домоуправлении, впе-чатывал «православного вероисповедания». Печатая, я сидел спиной к окну, выходящему в сад. Однажды, во время печатания справок, вдоль окна промелькнула чья-то тень, а вскоре явились два румынских офицера с обвинениями, которые я сумел опровергнуть. Офицеры, слава Богу, были не очень агрессивны. Анонимных же доносов в полицию об укрывательстве здоровых евреев была масса».

Когда с проверками приходили немцы или румыны и интересовались, находятся ли в больнице евреи, профессор Шевалев отвечал, что в клинике никого не укрывают. И предлагал самим это проверить, предупреждая, что среди пациентов есть больные тифом и малярией. Понятно, что желание заходить в отделение у «гостей» сразу же пропадало.

Среди тех, кто под чужим именем скрывался в больнице, были не только сотрудники и пациенты, но и знакомые семьи Шевалевых. Одна из них — Лиля Золотаревская (Раппопорт). В период обороны Одессы девушка приходила в госпиталь ухаживать за ранеными. «Во время оккупации, — вспоминает Лиля, — меня, мать, бабушку и тетку угнали в гетто на хутор Стадная Балка, где вся семья была расстреляна... Я чудом спаслась, спрятавшись в стогу сена. Затем тайком пробралась на Слободку в психбольницу. Андрей Шевалев записал меня в женское отделение для буйных под именем Лидии Прозоровой — украинки, страдающей аутизмом. Он предупредил о грозящей опасности — на территории больницы располагалась сигуранца, а внутри были доносчики». 17-летняя Лиля пробыла в больнице до освобождения города и стала, как и ее спаситель профессор Шевалев, врачом-психиатром.

Евгений Шевалев

Андрей Шевалев

Со слов мужа о тех временах рассказывает вдова Вольфа Тендлера, прожившего под охраной Шевалевых в больнице 811 дней и ночей: «В январе 1942-го по дороге в гетто Слободка он встретил приятеля Андрея Шевалева, который привел его в психбольницу к своему отцу. Профессор предупредил: «Если хотите выжить, запомните: вы слышите, понимаете, но говорить не можете... Вы должны симулировать тяжелое психическое заболевание — рыться в мусорниках, есть под столом, отказываться от еды, вплоть до того, что выбрасывать ее и т. д. Только со мной, наедине, я разрешаю вам говорить». Вольф научился сапожничать в мастерских психбольницы, которыми руководил Андрей Шевалев. На протяжении 2,5 лет он никогда и ни с кем не разговаривал — разве что несколько раз со своим спасителем Евгением Шевалевым».

В условиях конспирации евреев-пациентов не выпускали на прогулки. Они прятались, едва завидев немцев или румын, входящих в отделение. Здоровым «пациентам» были даны инструкции, как вести себя с персоналом и оккупантами, чтобы не вызвать подозрений.

В первые дни оккупации румыны потребовали у Шевалева выделить группу физически крепких больных для рытья окопов. Но профессор сразу догадался, что рыть могилы им предстоит для самих себя и остальных больных... Ему приходилось мужественно противостоять этому, зная, что использование душевнобольных для принудительных работ зачастую равносильно смерти.

В начале оккупации румыны не выделяли средств на питание больных. В больнице отсутствовали медикаменты — они были конфискованы. Помещения регулярно обыскивались, и лишь убедившись, что без еды, воды, медикаментов и отопления больные все равно обречены на смерть, оккупанты покидали ее стены.

Молдаванка, блошиный рынок, лето 1943 года

В отличие от немцев, комиссар сигуранцы Кодряну, занявший квартиру главврача профессора Айхенвальда, по слухам, расстрелов не одобрял. К чему тратить пули, да и на кого, собственно? Здесь тактика была иная: ограбить, заморить — и смерть придет сама...

Андрей как мог помогал отцу: добывал продовольствие, инструменты и лекарства для больных. Вместе с работниками больницы ходил по брошенным заводам и окрестным селам, выменивая одежду умерших на продовольствие, часть которого отбирали румыны. Не было воды — ее зимой по заснеженным дорогам за два километра на коромыслах носили медсестры из поселка Кривая Балка. Не было и тепла — самодельные плошки с маслом служили для освещения, а в единственное отапливаемое помещение больные и персонал по очереди приходили погреться. В первую зиму оккупации многие больные умерли от голода. Только через три месяца Шевалеву с трудом удалось добиться от румынских властей выделения кое-каких продуктов питания.

При этом, хотя за время оккупации в больнице умирали от голода, холода и болезней, но насильственной смертью не умер никто. И никто из сотрудников не донес, что истории болезни евреев надежно спрятаны и созданы новые, в том числе на фактически здоровых людей.

Уже в самом конце оккупации, весной 1944-го, в Одессу снова вошли немцы. Они распорядились построить персонал больницы во дворе, чтобы расстрелять его, а вслед за ним — и больных. «В больницу явились немцы, — рассказывает Андрей Шевалев. — Они собирались устроить кровавую бойню... Отец по-немецки пытался убедить их не расстреливать душевнобольных. Но в это время случилось чудо: прибежал запыхавшийся немецкий солдат и доложил, что в Кривой Балке обнаружены советские разведчики. И немцы поспешили ретироваться...»

Андрей Шевалев (вторйо слева), 1946 год

После освобождения Одессы Андрей Шевалев ушел на фронт, а по окончании войны стал профессором-биологом, организовывал Батумский дельфинарий.

Евгению Шевалеву чудом удалось спасти всех, кто скрывался в больнице в годы оккупации. Профессор никогда никому не рассказывал о своем подвиге. Да и подвигом его не считал: был твердо уверен в том, что долг врача — бороться за жизнь больных в любой ситуации. «Свята жизнь во всех ее видах. Признание святости жизни — это основа, первоисточник морали», — писал он.

18 мая 1946 г. профессора Евгения Шевалева не стало — сердце не выдержало страшных перегрузок военного времени. Но благодарные жители Одессы помнят о нем и его подвиге по сей день.

Его сын Андрей, ушедший из жизни в 1998-м, так и не узнал, что три года спустя израильский мемориал «Яд Вашем» удостоил отца и его самого почетного звания Праведника народов мира. Дипломы и медали, посмертно выданные этим героям, бережно хранятся в Музее истории евреев Одессы «Мигдаль-Шорашим».

Эстер Гинзбург, «Еврейская панорама»